

Баса Джаникашвили

Сулико

комедия в двух действиях

Действующие лица:

Малхаз Кумсалия – молодой мертвый мужчина

Сулико – его вдова, молодая женщина, живая

Тенгуля Асатиани – немолодой мертвый друг Малхаза Кумсалия

Бисмарк Капанадзе - молодой мертвый друг Малхаза Кумсалия

Гия Саладзе – молодой мертвый мужчина

Микел – страж кладбищенских врат, мертвец

Нина – пожилая хромая смотрительница кладбища, живая

Не смотря на то, что режиссеры сами предпочитают находить ключи к пьесе, а советы драматурга не во что не ставят, я все равно позволю себе высказать соображения по поводу постановки. Заранее благодарю за внимание.

Поскольку в пьесе речь ведут одновременно живые и мертвые, важно, чтоб диалоги между двумя разными субстантами не происходили. У театрального режиссера нет шанса заставить нас поверить в существование Рая при помощи компьютерных эффектов. Но театральная техника посильнее современной: за счет быстрого диалога между персонажами, речи без пауз или эффекта взаимного непонимания присутствующих на сцене режиссер достигнет большей убедительности. Живые и мертвые герои сообщаются друг с другом, создавая хаос, для сценического воссоздания которого необходимо выработать правильный ритм.

Гамлет. Нет в Датском королевстве подлеца,
Который не был бы ответым плутом.

Горацио. Не стоит призраку вставать из гроба,
Чтоб это нам поведать.

Уильям Шекспир «Гамлет, принц Датский»

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Пролог.

Сцена представляет собой кладбище с бюстами и надгробиями разной величины. Из-за стремления к оригинальности или как результат смелого решения скульптора, композиции некоторых могил представляют собой безвкусное подражание культурному наследию античности. Это к слову. За могилами ухаживает пожилая женщина - входит, и в течение следующего монолога то протирает могильные камни и бюсты, то уберет старые цветы, то метет метлой дорожки, то по старому обычаю положит сыр и хлеб на одну-две могилки.

Нина. Звать меня Ниной Хромоножкой. Давно прошли те дни, когда называли просто Ниной, тетей Ниной или Ниночкой. Сколько я себя помню, постоянно тружусь на кладбище. Мои родители, да и родители родителей также работали здесь. Как я слышала от своей бабушки, ее предки тоже. Всех женщин в моей семье зовут Ниной. В старости они становятся хромыми и видят покойников. И те нас видят. Никто мне не верит, но я уже махнула на них рукой. Что поделаешь, если все смотрят на меня с недоверием? Хочется порой рассказать людям что-то важное, а они не слышат. Раньше, моим родителям и их предкам верили. И хорошее жалование им платили, теперь иное время. И сама я живу возле кладбища, вот за теми садами, там жили моя мать, бабушка, прабабушка и прапрабабушка. Проживать в нашем родовом гнезде – наше правило. Все вообразили, когда человек умирает, душа его отходит в небесную обитель. И никто не верит, что обиталище душ – здесь. *(Указывает на бюсты и портреты.)* Этих-то видите, они и есть. Кто выходит отсюда, кто приходит, а кто и не кажется – печаль держит на сердце и прячется. Так и происходит. Когда мы умираем, нас зарывают в землю и считают: покойники лежат в глубокой земле. *(Указывает на могилу на возвышении.)* А ну-ка приглядитесь к той могиле: я ведь стою здесь, не правда ли? Она же на пригорке, а горка выше меня. Выходит, что покойник скорее я, потому что по сравнению с покойником, я в положении ниже него. Разве не так? Так, так... Если покойника зарывают в землю, как получилось, что он находится выше меня? Многие из могил забыты, к ним не приходят, но если покойники просят об этом, я за ними ухаживаю. Некоторые и того не хотят. Что поделаешь, я одна, за всеми не услежу. Да и ходить мне тяжело, состарилась. Ведь не зря зовусь Ниной Хромоножкой. Да, знаю я, знаю, я же слышу за спиной – Хромая Нина пришла, Хромоногая Нина ушла, где Хромоножка Нина, Хромоногая прибрала мою могилу... Знаю... знаю... даже если бы они не говорили, и так знаю.

Развлекаются, дразнятся. Я и не обижаюсь. А что мне обижаться? Я хромая, они мертвые. Это кладбище, обычное кладбище... Здесь живут те, кто тут похоронен. Родные их приходят на свидание с ними, посещают могилы, дают копейки, чтоб я за ними ухаживала. Я и слежу, и за теми могилами, чьи родственники не приходят – тоже. Что же, если покойник о том просит, не поухаживать?

Картина первая.

На том же месте. В принципе, на сцене рай. Представленный режиссером рай. На земле, и на сцене, этот рай - кладбище. В нем могила скончавшегося Малхаза Кумсалия с установленным массивным бюстом. Кругом расположены могилы других. К примеру, Тенгули Асатиани, Бисмарк Капанадзе и прочие. Малхаз Кумсалия, Тенгуля Асатиани и Бисмарк Капанадзе пируют за столом – железным, установленным на могиле Асатиани.

Малхаз, Тенгуля и Бисмарк – (поют «Многие лета»*) МнООО...

Входит в черных одеждах жена Малхаза, Сулико. В руках держит цветы. Сулико не замечает покойного мужа и его друзей.

Малхаз, Тенгуля и Бисмарк – (поют)...гииие...

(Сулико подходит к могиле Малхаза, кладет цветы в вазу, вынимает из кармана платочек и стряхивает им пыль с бюста супруга)

Малхаз, Тенгуля и Бисмарк – (поют)...лее...

(Сулико садится на скамейку, вынимает из сумочки вино, хлеб и сыр, разворачивает газету, устраивает ее на камне)

Малхаз, Тенгуля и Бисмарк – (поют)...ээта.

Малхаз. Любимые братья! (Целует их) Будьте ж вы счастливы и процветайте, дорогие мои!

Бисмарк. Малхаз, парень. Пришли к тебе, кажется.

Малхаз быстро встает и проходит к собственной могиле. Сулико, его супруга, понимает, его не видит. Малхаз садится рядом с бюстом, на могильный камень на могилке, смотрит на супругу, Сулико утирает слезы.

Малхаз (товарищам). Она плачет, пацаны, видите? Все еще плачет...

Тенгуля. Сколько уж времени прошло, интересно?

* В оригинале звучит «Мравалжамиэр», старинная заздравная народная песня, в переводе с грузинского означающая именно «многие лета» (прим. переводчика)

Малхаз. Со дня моей смерти? Два года и месяцы...

Тенгуля. Все еще плачет, говоришь?

Бисмарк. Сам не видишь, что ли?

Малхаз. Принесла вина, хлеба с сыром, зелень... Что еще ей остается?

Бисмарк. Почему же ко мне никто не приходит?

Тенгуля. Ничего, мой дорогой Бисмарк, все мы придем туда, куда придем.

Малхаз (*переносит еду и питье с могильного камня на застолье друзей*). А ну-ка, угощайтесь, я скоро вернусь. (*Возвращается к супруге, садится на камень.*)

Последующая сцена разворачивается в двух параллельных плоскостях, скажем так: в одной плоскости Малхаз Кумсалия и его жена, в другой – Тенгуля Асатиани и Бисмарк Капанадзе. Два самостоятельных диалога должны представлять собой одну цельную сцену. Режиссер обязан так распределить динамику диалогов так, чтоб заслужить максимальное внимание от зрителей.

Бисмарк (*разливая вино по бокалам*). В последнее время, мой Тенгиз, я думаю о таком, человек удивится.

Тенгуля. О чем можно думать в этом раю?

Бисмарк. Думаю о себе в третьем лице.

Тенгуля. Не понял, объясни по-человечески.

Малхаз (*зрителям*). Чем же все-таки была она, наша встреча? Нет, нужно было видеть, как я объяснился в любви этому маленькому ангелу. «Я люблю тебя», говорил я ей; я люблю в тебе самого себя, объяснял. Женщины всему так верят... Я разбил эту фразу на три части: «тебя» - третью и самую незначительную, «люблю» - вторую часть, значение которой, надеюсь, она понимала, и «я» - первую и главную идею. Что получилось? Я - тебя. Или я являюсь тем, что есть ты. Я тот, чем *ты* никогда не была... или не помню. Короче, было время, когда я и моя Сулико обменивались письмами, в глубине души мечтая совершенно о другом, о том времени, когда на все вопросы получили бы ответ. Это случилось очень скоро. Сказать по правде, Сулико не нужно было долго уламывать. Наверное, и меня. Иллюзия, что все вопросы требуют ответа, ошибочна! Главное - наличие вопросов. Потому что, ответы неинтересны. Главное, чтобы хотелось спрашивать, а тайное теряет смысл, когда становится явным. Не так ли?

Бисмарк (*Тенгуле*). А все потому, что я отчуждаю себя. Избегаю самого себя, замечая в последнее время – во мне уживаются две разные особи. Одна, которая говорит

мне, что смерть хороша, вторая – напоминающая мне истории из моего прошлого. Одна любит смерть, вторая – ненавидит.

Тенгуля разливает вино по бокалам.

- Так и замечаю в последнее время, как говорю за себя в третьем лице. Это вроде облегчает мне смерть... Вообще, у меня складывается впечатление, что заявлять себе «ты есть»- некое обобщение по отношению ко всякому явлению, даже в том случае, когда главная тема «ты» и «твое» прошлое. Лучше изъясняться от своего имени в третьем лице.

Сулико (*бюсту Малхаза*). Малхаз, мой Малхаз, как мне хочется приласкать тебя, я так по тебе соскучилась...

Малхаз. Да, моя Сулико, я понимаю, но ничем не могу подать знак, и я по тебе скучаю.

Сулико (*бюсту Малхаза, не давая ему договорить предложение*). Хочу открыть тебе, рассказать... кое-что, но трудно мне. Однако не могу и скрывать.

Тенгуля. Давай-ка выпьем по-мужски, а эти мысли оставь, если хочешь моего совета. (*Пьет вино.*)

Бисмарк (*Тенгуле*). Нет, ты знаешь, что меня бесит, пока я был жив...

Тенгуля. Выпьем как мужчина с женщиной, после скажешь!

(*Бисмарк выпивает.*)

Малхаз (*Сулико*). Говори, ведь и я соскучился, чтоб ты знала. (*Громко, друзьям*) Эй, ну-ка потише там! Чего разорались, дайте послушать, она мне хочет о чем-то рассказать.

Сулико (*бюсту Малхаза, не давая ему договорить предложение*). Знаешь, с тех пор, как ты оставил меня, я чувствовала себя такой одинокой, совсем одной... Ведь мы не успели ни обзавестись ребенком, ни по-настоящему устроить семейную жизнь, ни похозяйствовать я не успела. Сначала сердилась на тебя. Что так бессмысленно оставил меня. Видеть тебя не хотела. Хотя как бы я с тобой увиделась, но все же... Потом я подумала, вернее, догадалась, что в том внезапном уходе из жизни не было твоей вины. Очень мне было трудно и одиноко, пока... Теперь, однако, что-то изменилось, нет, я по-прежнему люблю тебя, но в моей жизни...

Тенгуля и Бисмарк – (*запевают*) За дружеской беседой, коль пир идет горой[†]...

[†] В оригинале звучит старинная имеретинская застольная песня, в переводе звучит аналогичная ей (прим переводчика)

Малхаз. И что в твоей жизни?

Сулико (*после паузы, словно услышав вопрос Малхаза*). Не могу тебе не сказать, что-то изменилось, нет, я всегда буду любить тебя, ты не думай, буду приходить, менять цветы, приносить еду...

Тенгуля и Бисмарк – (*поют громче*) И в этой песне слышится разгулье жизни всей, и как-то легче дышится...

Сулико (*бюсту Малхаза*). Все буду делать по-прежнему, но главное, чтоб ты понял меня и не сердился...

Малхаз (*Сулико*). Что?! Что понял?

Бисмарк (*прерывает песню, Малхазу*). Чего орешь, сейчас она поплачет немножко и уйдет.

Тенгуля (*Малхазу*). Женщины вечно не вовремя приходят или уходят. Не вовремя рождаются и, тем более, умирают. Женщин вообще характеризует *несвоевременность*.

Бисмарк (*смеется, Тенгуле*). Умеешь ты завернуть, скажу я тебе!

Малхаз (*Сулико*). Выкладывай, что там у тебя? Не нравится мне твое поведение. Что происходит, говори, а то я сдохну сейчас на этом месте, раз и навсегда, и все тут!

Бисмарк (*Тенгуле*). Так я и говорю, мой Тенгиз, как правило, претензиям нет конца. Нескончаемые они, представь себе, вот ты и выслушиваешь бессмысленный поток высказываний о человеке, который тебе, по правде, не знаком, как *ты* не знаком себе сам. Вернее, самому неизвестно, кто есть *ты*. Ясно я изложил свою мысль?

Звонит мобильный телефон Сулико.

Сулико - (*достает мобильный из сумочки, отвечает, вставая к бюсту Малхаза спиной, таким образом, оказавшись лицом к лицу перед покойным Малхазом*) Да, Гия, да... Здесь я... Где мне еще быть? На кладбище... Нет, сейчас не могу... (*Смеется*) Да ладно... Нет, не могу сказать... Потому что он на меня смотрит... Ну, хорошо, какой ты нетерпеливый... И я по тебе соскучилась. Скоро приду... Ты? Ты мне обед приготовишь? С ума сойти. Первый раз такое слышу... Ты никогда раньше не говорил, что умеешь готовить. Порадовал... Знаю, знаю, жизнь моя, ты сама неожиданность... И я по тебе соскучилась... Хорошо, хорошо, мой маленький, да, это я твоя маленькая... Я люблю тебя, ладно уже. Ну, хватит ... (*смеется*) Хорошо-хорошо, иду. И я целую... И люблю... (*Прерывает разговор, кладет телефон в сумочку*)

Малхаз и его друзья обомлевают от столь неожиданной перемены Сулико.

Несколько секунд стоит тишина. После паузы, Малхаз и Сулико начинают одновременно: Малхаз – кричать, Сулико – говорить.

Малхаз (Сулико). Убила!

Воображаешь, я не слышал? Кто этот Гия? Отвечай немедленно, кто этот Гия, или я не знаю, что сейчас сделаю! Эгоистичное, двуличное, лживое, лицемерное чудовище! Погиб человек! Убила меня, и все тут... Ты не знаешь, каково любить и находиться на этом тухлом кладбище. Ты не знаешь, что я чувствую, как я переживаю, каково вообще оказаться в земле, погребенным. Ты не знаешь, что такое жить на собственном кладбище, ты обо мне никогда не думала, и нечего было врать мне, уверять о любви, если у тебя каменное сердце! Такое же каменное, как вот (*указывает на собственный бюст*) у этого каменного Малхаза Кумсалия! Мог ли я подумать, мог ли вообразить, что ты так жестоко продашь меня? Бросишь? Предашь!? Мог ли я себе представить такое ... На кого ты меня оставляешь, на кого!? (*указывает на друзей*) На них?! Этих пьяниц?! Однако я мертв и не воображай, что ничего не понимаю, не воображай, что ничего не чувствую, не воображай, что я жив вроде тебя. Я, мертвый Малхаз Кумсалия, живет на десять голов, на сто голов, на тысячу голов живет тебя. (*После паузы*) Что же мне теперь делать?

Сулико (*обращается к бюсту*

Малхаза, покойного Малхаза она не видит). Вот, теперь, я думаю, ты сам обо всем догадался. Не знаю, почему-то мне не хотелось, вернее, хотелось, чтоб ты обо всем знал. Мы познакомились друг с другом три месяца назад... Когда я вышла с кладбища, он стоял на остановке автобуса. Мы разговорились, оказалось, он навещал могилу родителей, автобус опоздал и, в конце концов, мы уехали домой на такси. Он пригласил меня к себе. На следующей неделе мы снова встретились, снова на остановке. Так и встречались на остановке автобуса возле кладбища, пока он не предложил поменять место встречи. Я сначала была против, но он так просил, что я согласилась. Мы вскоре подружились. Он оказался хорошим парнем, внимательным, открытым, добрым. А главное, он любит меня. Кажется, я тоже его люблю. Не кажется – люблю. Нет, ты всегда будешь в моем сердце, как я тебя забуду. Ты же не сердись на меня? Как-будто бы на сердце полегчало... Сколько времени я хотела сказать, Боже мой... Какой ты хороший, что не злишься. Я знала, что не будешь кричать. Ну, такой хороший. Ух.

Бисмарк (*Малхазу*). Ты умер, Малхаз, пойми уже. У этой женщины своя жизнь.

Тенгуля (*Бисмарку*). Замолкни ладно? Довольно с него.

Бисмарк (*Тенгуле*). А что он думал, она так и ходила бы к нему всю жизнь с сыром-хлебом?

Тенгуля (*Бисмарку*). Ходила или не ходила, но зачем он узнал о том именно здесь?

Бисмарк (*Малхазу*). Если ты беспокоишься о еде, то кто-нибудь снова умрет, подружится с нами и, пока его жена не заведет себе любовника, нас угостит. (*Злорадно хихикает*) Хи-ххи...

Малхаз (*раздосадованный налетает на Бисмарка*). Ах, раз тебя никто не вспоминает, хочешь, чтоб со всеми так было, да? Ну, уж тебя-то я придушу, если с ней ничего не могу поделаться! (*Впивается в его горло руками, они сваливаются со скамьи.*) На тебе хотя бы отыграюсь, бессовестный, хоть ты от меня отсюда никуда не убежишь!

Тенгуля (*разнимает их*). Уймись, Малхаз, не то теперь время, чтоб убивать.

Малхаз. Не убью, а придушу негодя! Сначала того, кто тебя убил, потом того, кто погубил меня и мою семью разрушил, а в придачу к ним абонента этого мобильного телефона прикончу!

Бисмарк. Нет, Малхаз, не убьешь, нет.

Малхаз (*отпускает горло Бисмарка, садится*). С чего вдруг? Не смогу побороть тебя или...?

Бисмарк (*встает с трудом*). Мы уже мертвы, Малхаз Кумсалия, и если теперь сами не позаботимся друг о друге, иначе не получится.

Малхаз (*Бисмарку*). Ну, если речь о том, чтобы заботиться, то это и тебя касается.

Сулико (*тем временем счищает пыль с могильного камня, драку приятелей не замечает – естественно, вновь обращается к бюсту Малхаза*). Пожалуй, Малхаз, если ты мне ничего не скажешь, я пойду. Но знай, знай – он не плохой человек. Попозже я приведу его к тебе, представлю. Хочу, чтоб вы узнали друг друга... А что такого? Я ему все о тебе рассказала. И как мы с тобой познакомились, и даже то, как ты мне объяснялся в любви. Как это было забавно. Ты воображал себя гением и нес такую чушь. Так рисовался. Какой ты был уморительный. Смешной и милый. А я все думала, когда же он замолчит и поцелует меня. Все ему рассказала. Мы столько смеялись! Нет, смеялись не над тобой, весело было вспомнить все это... С тех пор как тебя не стало, я впервые так развлеклась. Неплохой он парень, вот увидишь.

После этих слов Сулико, друзья неловко молчат. Тенгуля и Бисмарк садятся за стол. Тенгуля разливает вино. Бисмарк берет в руки стакан.

Бисмарк. Ну что же, приступим, иначе высохнет это вино, а того, кто его принесет, уж и не видать, я думаю. Их-хи...

Малхаз (*сидя на земле от отчаяния, бесчувственно*). Приводи, приводи, чтобы я прибил его на своей могиле...И тебя вслед за ним, предательницу.

Сулико (*бюсту Малхаза*). Очень он тебя жалел. Сказал, что если бы был на твоём месте, с ума б сошел. Смешно, да? Да, есть у него чувство юмора. Это помогает мне пережить твоё отсутствие. Он такой внимательный. И сейчас позвонил, где ты, мол, не зайти ли за тобой. Я познакомлю, обязательно вас познакомлю. Знаешь, вчера мы впервые поцеловались друг с другом. Приведу, обязательно. До того я думала, что от тебя лучше скрывать про него, но я не смогла...

Бисмарк (*Тенгуле*). Уу, он сейчас, прям, озверев, убьёт этого мужчину!

Сулико. Сказать по правде, я от себя этого не ожидала. Когда он дотронулся до моего локтя и притянул меня к себе, я так задрожала, занервничала, даже подмышки у меня вспотели. Вспомнился ты. Помнишь, как ты впервые поцеловал меня? Такое же чувство у меня возникло, когда и он поцеловал меня. Ты стоял у меня перед глазами. Я не стала скрывать и сказала ему. Он не обиделся. На это он мне ответил, если ты будешь так и дальше продолжать, то и меня сведешь в могилу. Смешно, да? И снова меня поцеловал.

Малхаз. Где, где он? Где Микел? Мне срочно нужно его видеть! Дай телефон (*бросается к Бисмарку*). Одолжи телефон, мне надо позвонить!

Бисмарк (*не уступает*). Не сходи с ума! А то не дам!

Малхаз (*опускает Бисмарка*). Я сам, я сам его найду! (*Убегает.*)

Сцена темнеет.

Картина вторая

Спальня Малхаза Кумсалия и Сулико. Малхаза здесь, разумеется, нет. Он уже два года как покойник на кладбище. Зато здесь находится Гия Саладзе. Сулико и Гия Саладзе лежат в постели. Оба, по мере возможности это видеть, обнажены. Гия Саладзе курит сигарету.

Гия. Это было неплохо.

Сулико. Ты заметил? Как долго у меня этого не было, представь.

Гия. Практически, я счастлив. Можно так сказать.

Сулико. Знаешь что? Давай, справим нашу свадьбу в январе.

Гия. В январе пост. А потом новогодние праздники, то да се, третье-десятое... Давай, лучше весной. Договорились?

Сулико. И, как дожить до весны?

Гия. Знаешь, я видел в телевизоре, японцы придумали некое устройство, маленькое, ростом с книгу, приложишь к носу собаки, и оно читает мысли...

Сулико. Ты хочешь приложить такую штуку к моему носу?

Гия. Точнее, аппарат способен разобраться в том, что чувствует собака в конкретное время.

Сулико. И сколько чувств у собаки?

Гия. Оказывается, шесть.

Сулико *(считает по пальцам)*. Веселье, грусть...

Гия. Когда ей голодно, когда холодно, когда ей жарко...

Сулико. Главное ты забыл, любит ли она тебя! Сколько всего вышло?

Гия. Наверное, следующее поколение этого устройства встанет на следующую ступень развития и предоставит владельцу больше информации, к примеру...

Сулико. Совсем ты помешался на своих компьютерах.

Гия. Надо ли доверять ей, можно ли что-то рассказать или открыть секрет...

Сулико. ...и она будет нема как рыба, никому его не выдаст.

Гия *(встает, накидывает на себя халат)*. Понимает ли она, в конце концов, нас, людей. Или хотя бы, хотя бы... Ну я не знаю, есть тысячи мыслей, которые собака не может высказать, а, наверное, ей так хочется быть понятой.

Сулико. Давай, заведем себе?

Гия. Интересно, изобретут ли когда-то устройство, которое установит подобные отношения между людьми. По-видимому, изобретателям в головы не приходит мысль, что собака и хозяин гораздо лучше общаются друг с другом, чем мы – люди.

Сулико. Кого ты имеешь в виду?

Гия. Нет, я просто констатирую факт, что собака и хозяин гораздо лучше понимают друг друга, чем понимаем друг друга мы – люди. Было б хорошо изобрести такое устройство, которое можно прикрепить к носу человека, и узнать его реальные мысли. А то говорят одно, думают другое – и это называется взаимопонимание.

Сулико *(прерывает его)*. Вот, дал бы кто к твоему носу прикрепить такой аппарат!

Гия. Было бы неплохо... И он спишет с человека все, что захочется – что ему нужно, о чем думает, и вообще, какое у него кредо. Остались ли у него принципы, думает ли о будущем, и возможно, даст ответ еще на один-два вопроса, ответ на которые ты ищешь всю жизнь.

Сулико. Ну-ка иди ко мне, я отвечу на все твои вопросы.

(Гия счастливо зарывается лицом в руки Сулико, Сулико щекочет его)

Гия *(смеется)*. Не надо, прошу тебя, ты же знаешь, я щекотки боюсь! *(Пытается высвободиться.)*

Сулико. Ну, о чем ты хочешь меня спросить? О чем хочешь узнать? Я ничего от тебя не скрываю, я покажу тебе, о каком будущем ты мечтаешь! Я покажу тебе, как к моему носу устройства прикладывать, я покажу тебе кредо, ишь, выставил тут себя философом, я посмотрю, остались ли у тебя принципы...

Никто не ожидал того, что сюда, выломав двери, ворвется Малхаз Кумсалия с противотанковой базукой в руках. Но факт – это случилось. Малхаз останавливается посередине комнаты, и при виде Гии Саладзе, прячущегося за спиной его полуголой жены, униженный и оскорбленный, падает в обморок. Сцена на некоторое время замирает, тишину нарушает Гия Саладзе.

Гия *(заикаясь)*. Он ууумер?

Сулико. Я так думала, давным-давно.

Гия. Ктокто-кто это был?!

Сулико *(после паузы длиною в век)*. Муж.

Гия. *(теперь в нем вспыхивают страх и трепет иного рода)* Ччтоо? *(Вскакивает с кровати, а как вы понимаете, одеться он не успел)* Тытыты-ты что, ты чточточто-что ясновидающая?

Сулико. Ты просто меня не понял...

Гия. Что тут ппониммать, этот мужчина твой муж или нет?

Сулико. Был... или есть... не знаю...

Гия. Не своди меня с ума! Хорошенько подумай и дай ответ, этот мужчина твой муж?

Сулико *(испуганно присматривается к Малхазу Кумсалия)*. Кажется...

Гия. Тебе кажется?!?

Сулико *(с подступившими к глазам слезами, дрогнувшим голосом)*. Не кричи на меня, а то я заплачу.

Гия. Ты больше не узнаешь мужа?!? Объясни мне, женщина!

Сулико *(снова испуганно присматривается к Малхазу Кумсалия)*. Кажется...

Гия. Кажется?!? Тебе кажется?!?

Сулико. Да это мой муж, мой! Только не ори.

Гия. Ладно, постараюсь успокоиться. Тогда объясни мне, когда ты говорила, что твой муж скончался два года назад, о каком муже ты говорила?

Сулико *(после паузы)*. Об этом...

Гия. И ты полагаешь, что покойные мужья имеют обыкновение так беспардонно, с противотанковыми базаками в руках врываться в дома к бывшим женам?

Сулико. Но он же ворвался?!

Гия *(себе самому)*. Так, хорошо, успокойся, Гия, сейчас важна полная мобилизация, стопроцентная концентрация. *(Сулико)* Этот, этот слу... слу... случай, не в первый раз происходит, что ли?

Сулико. Ты про базуку?

Гия. Я про все вместе, ты издеваешься?!

Сулико. Первый, первый случай! Да что ты никак не поймешь, я не знаю, как он здесь мог оказаться!

Гия *(плачет)*. Не кричи, не кричи ты на меня, ... Боюсь я, мертвых мужей боюсь... *(перестает плакать)* да, но если он умер два года назад и ожил, отчего ему вздумалось умирать сейчас и здесь?

Сулико. Не надо мне задавать вопрос, на который у меня нет ответа. Спроси что полегче.

Гия. Хорошо, ну теперь он по всамделишному умер или нет?

Сулико. Когда, тогда или сейчас?

Гия снова плачет.

Сулико. Наверно, он и тогда и сейчас умер. Но, мужья-покойники вправду не заходят в дома к своим вдовам. Да еще вооруженные базуками...

Гия. Может, ты мне объяснишь, что привело твоего умершего мужа к тебе в спальню?

Малхаз (*очнувшись, хватая противотанковую базуку, затем прицеливается*). Сейчас Малхаз Кумсалия докажет вам кто из нас троих умер!

Сулико. Малхаз, ты не поступишь так, ты просто-напросто *не можешь* сделать этого!

Малхаз. Если Малхаз Кумсалия задумал, он все сделает! Ты же видишь, ты видишь, я пришел, и так, чтобы не отомстить вам, обратно не вернусь! Молитесь, кайтесь, вы грешники, вам пригодится! Мужеубийца Сулико!

Сулико. Малхаз, ведь ты покойник!

Малхаз. Я в курсе, кто я, покойник или нет!

Сулико. Я же похоронила тебя собственными руками, несчастный!

Малхаз. Твои руки ласкали его!

Сулико. Я своими руками присыпала землей твой гроб, Малхаз! Опустит свою гранатометалку, и задумайся прежде, чем стрелять, не бери грех на душу.

Малхаз. Вы же и покойники, вы же и могильщики! Молитесь, я сказал!

Гия. Я был не в курсе, что вы живы, Сулико мне сказала, что вы умерли два года назад...

Малхаз. А это ты тот самый, что не дает покоя ей на моей могиле, все названивает?! Это ты?!

Гия. Я не знал, что вы живы, мы... мне в голову ничего плохого не приходило.

Малхаз. Мои тапочки... Мой халат! Немедленно вылезай из моей кровати!

Гия (*подчиняясь*). Мы собирались пожениться.

Малхаз. Есть пока муж у этой женщины!!!

Сулико (*Малхазу*). Лжец!

Малхаз (*Гие*). Эта женщина моя супружеская половина, и пока я мертв...

Сулико (*прерывает его*). У этой женщины сошел в могилу муж, как ей показалось, а вышло, что он здравствовал и скрывался! Возможно, жил с другой женщиной, теперь его оттуда выставили, и поскольку другой дороги не осталось, он вернулся!

Малхаз. Что ты несешь! Я умер!

Сулико. Если ты умер, откуда ты здесь взялся?

Малхаз. Сбежал!

Сулико. Изменник!

Малхаз. То есть, я вижу в своем доме, в собственной кровати любимую жену с незнакомцем, и после я - изменник?!

Сулико. Ты спал два года с другой женщиной, а я сегодня впервые прилегла!

Малхаз. Я два года в могиле лежал!

Сулико. Послушай, послушай себя, ты сам не понимаешь, что несешь. Жил с другой. А я считала себя вдовой! Я оплакивала тебя, ходила на твою могилу, приносила твои любимые вещи, молилась для тебя, постилась, страдала, скучала, а ты, ты, оказывается, жил с другой, и после этого я – грешница? Я должна молиться? Я должна каяться? Я должна оправдываться? Призывать смерть?! Я чувствовала раньше, что мне очень плохо, но теперь я вижу, что по настоящему-то плохо мне сейчас. Так плохо мне никогда еще не было в жизни и наступило время составить горячую пятерку лучших моих плохих состояний. *(Приближается к Малхазу)* Всегда, когда у меня был плохой период – это было связано с тобой, и я тебя так ненавижу за это, что если ты в меня не выстрелишь, я тебя убью, теперь уж действительно прикончу и хорошенько прослежу, ты будешь лежать в гробу или твой двойник!

Малхаз *(опускает гранатомет, примиряющим тоном)*. Сулико, ну что ты такое придумала, зачем ты это говоришь? Как это не я умер? Вместо меня ты оплакивала другого? Да каждая твоя слезинка, упавшая на мою грудь...

Сулико. Тогда какого черта ты делаешь здесь?!

Малхаз. Должен вас убить, обоих.

Сулико *(Гие)*. Передай, передай ему, пусть убивает, или я первая это сделаю!

Малхаз *(Гие)*. Убью, только пусть она сначала признает, что я покойник!

Гия *(Малхазу и Сулико)*. Хочу писать ...

Сулико *(Малхазу)*. Лжец! *(Плачет.)*

Малхаз. Не реви, не реви. Я разозлился, ух, как я разозлился, когда ты говорила с ним и призналась, что любишь, в тот день, когда пришла на кладбище, принесла мне еду...

Сулико. Ты за мной еще и следил?!

Малхаз. Невольно, я ведь живу там.

Сулико. Где ты живешь, Малхаз? На кладбище? Не ври мне, притом еще нагло – ты живешь не на кладбище, а у другой женщины!

Малхаз. Сулико, моя Сулико, я живу на кладбище. Как все покойники, рядом с Тенгулей и Бисмарком. Их могилы рядом с моей, разве ты не замечала, или не присматривалась? Однажды, когда шел дождь, и ты поскользнулась, то упала как раз на могилу Бисмарка. Хороший парень. Тенгуля нас старше, но тоже безвременно усопший. Как говорится. Когда ты приходишь, я встречаюсь с тобой, говорю, ласкаю, мои друзья присутствуют при этом. Мы угощаемся принесенной тобой пищей, такое правило, делимся ею между собой. Я очень горжусь тобой перед друзьями. Каждый день ты приходишь, убираешь могилу, ухаживаешь за мной. К другим в кои веки раз приходят, и то дело. Уже два года минуло, а ты все равно ухаживаешь. Я очень люблю тебя. Но когда он позвонил тебе, у меня чуть не разорвалось сердце! Мне казалось – я сейчас умру, я озверел и нашел Нину Хромоножку, ты знаешь, кладбищенскую нашу смотрительницу, она и объяснила мне, что в конце кладбища дырка в заборе, оттуда все удирают... Если им совсем уж невтерпех и необходимо вырваться, но тебя не должны заметить, сказала она, Микел не должен тебя увидеть, а то накажет. Но я все-таки бежал, чтобы... Об остальном я не задумывался...

Сулико. Я не хочу вечно жить в трауре! Не желаю до конца моих дней ходить в черном и скорбеть. Мне нужна нормальная семья, живой и здоровый муж, детей хочу, обыкновенного женского счастья! Неужели так трудно меня понять? Неужели я прошу столь многого.

Малхаз. ...но теперь, теперь я готов простить тебя, и забыть все, вычеркнуть из памяти этот день, да, будем вечно с тобой вместе.

Сулико *(после паузы)*. Малхаз, что бы ни оказалось, кем бы она не была, говори, кто эта женщина!

Малхаз. Да я покойник вот уже два года, Сулико!

Сулико. Чтоб ты околел у своей Сулико!

Малхаз. Спятила? Я уже умер!

Сулико. У тебя ребенок от этой женщины?

Малхаз. Ты этого, вот этого расспроси!

Гия *(встает, одевается.)* А я, я сейчас думаю о том, о чем никогда ранее не задумывался. Видимо, в экстремальной ситуации мне в голову приходит гораздо больше мыслей, близких к истине, чем тогда, когда мне некуда спешить. *(Малхазу)* Вы грубо обошлись с моим уязвленным самолюбием, ускорив тем мое кровообращение. Вы вынуждаете меня использовать резервные силы, напрячь мой мыслительный процесс, мое тело, и поступать экстремально тогда, как я убедился в преимуществе стабильности. Настолько, что у меня возникло желание совершить над вами и Сулико опцию «шат даун»

как я обычно поступаю с компьютером, и более вас не включать. Неплохо... было бы... было бы прекрасно, я бы так сказал. Давайте будем компьютерами. Пусть у нас имеется большой корпус, высокий, красивый, который можно снять одним движением руки, а? Ну как? Будем Пентиумом четыре. Нет, пять. С процессором «интел», чья скорость две тысячи восемьсот мегагерц в секунду, и в пятьсот двенадцать мегабайт оперативной памяти. А, а? Невероятно! Давайте, будем Виндоуз икс пи профешнл, с кучей инсталлированных программ. С вставленными в нас двумя кулерами, которые поддерживают постоянную температуру: зимой – согревают, летом – остужают. Но, главное, чтоб никто не угрожал бы нам смертью. Потому что, если ты компьютер, пусть даже четвертый пентиум, а не пятый, и тебя все равно пытаются убить – так не годится. Тогда уж лучше быть самим собой. Если мечтать, так мечтать о лучшем. И лучше уж я пожелаю себе того, чтоб вообще не быть.

Гия крадучись идет к двери, но дорогу ему преграждает Микел, страж кладбища.

Микел. Почему вы так себя ведете?

Гробовая тишина. Микел заходит в комнату. Сулико внимательно оглядывает его.

Малхаз *(после паузы)*. Познакомься, Сулико. Это Микел. Кладбищенский сторож.

Сулико. Живой или мертвый?

Гия. Мертвый... Вот, в принципе, все, что я хотел сказать.

Сулико. Присаживайтесь, мне так неловко, позвольте я оденусь.

Микел. Ничего-ничего, не беспокойтесь...

Сулико. Даже не знаю, чем угостить вас. Никак не ожидала столь неожиданного визита сразу троих мужчин. Я сейчас вернусь. *(Выходит из спальни.)*

Микел *(Гие)*. Гия Саладзе?! Давненько я ищу тебя. Хромоножка Нина и тебя выпустила, не так ли?

Гия *(чувствуя себя неловко, Малхазу)*. Я собирался вам сказать...

Малхаз *(впивается руками Гие в горло)*. Прикончу тебя!..

Микел *(разнимая их)*. Ну, хватит.

Гия *(пытаясь выволить свою шею из рук Малхаза)*. Ну, что ты ко мне прицепился, да, я такой же мертвец, как и ты...

Малхаз. И что, и что я спал с твоей женой?! Я разрушил твою семью?! Я названивал твоей жене?! Я сбежал первым?!

Гия. Спасите, он убьет меня, задушит меня сейчас этот маньяк!

Микел *(с трудом разнимает насильника и жертву)*. Накажу обоих, если вы тотчас же не остановитесь! Что скажет эта женщина?! О чем подумает?! Вы, двое... два покойника которые сбежали из рая, так говорите о мирских делах, как будто и прям живы! Чтобы ни слова, ни звука я от вас не слышал! *(После паузы, удовлетворенный исполнением своего приказа)*. Двумя лжецы. Вы же давали клятву, что не замыслите плохого в сердце своем, и что же я вижу? Как вас могло так ослабить телесное? Отчего, от чего же вы так... низко пали?! Почему вновь обернулись людьми? Почему?! Я, Микел, страж такого огромного кладбища, из-за двух недавно обращенных покойников, вернулся в земную жизнь, а они, выясняется, развлекаются, ходят по женщинам и дерутся. *(Замечает противотанковую базуку)*. Господи, а эта еще откуда? Стащил у Омара? Она хоть кого-то убьет, и вообще, выстрелит?

Малхаз. Если бы я выстрелил, мог бы тебе ответить.

Микел. К Омару ты как проник? Два года из могилы носу не кажет из-за депрессии.

Гия. Как ты мог у Омара украсть оружие, бессовестный, человек с ним погиб на войне!

Малхаз. Не крал я. Сам мне одолжил.

Гия. Вранье!

Малхаз делает движение в сторону Гии, Микел преграждает ему дорогу и останавливает его.

Микел. Ух, разбойники!

Малхаз *(Микелу)*. Он первый начал!

Гия. Не я, он первый на меня напал!

Микел. Разговорчики! Равняйся, смирно! *(После паузы, вновь удовлетворенный исполнением своего приказа)* Сегодня поступили три новобранца в покойники. Я даже не успел провести с ними собеседование, объяснить правила. Что мне теперь делать с ними? Стоят там и ждут меня. И все из-за вас. Дезертиры!

Малхаз. Им тоже спешить некуда.

Микел. Я тебе сейчас приду в шутливое настроение, Малхаз Кумсалия.

Гия. Ему бы всыпать побольше.

Малхаз *(вновь кидается в драку с Гией Саладзе, вновь ему преграждает дорогу Микел)*. Погоди еще, вот вернемся. Запомни мои слова!

Гия (Микелу). Видите, видите, как он мне угрожает? Нет, вы должны преподать ему такой урок, чтоб он на всю смерть запомнил.

Входит Сулико, видно, время у зеркала она потратила не напрасно.

Микел. Позвольте, сударыня...

Сулико. ...Сулико...

Микел. ...госпожа Сулико, прошу прощения, смотрительница нашего кладбища Хромоножка Нина, - вы ее наверняка знаете, вы ведь также понесли утрату, так вот, просто дьявольское отродье. Это она мне во все вносит беспорядок. Так было, еще начиная со времен предков ее родителей...

Устремляется к выходу. Гия и Малхаз с опущенной головой следуют за ним.

Сулико. Что вы делаете?

Микел. Более мы не потревожим вас.

Сулико. Как, вы уходите, и все? Что ж это, сначала у меня был жених, потом муж, а после пришли вы, и их обоих уводите? Одного хотя бы оставьте.

Микел. Это невозможно.

Сулико. Для женщины в моем положении, кажется, уже ничего не может быть невозможного. Вы объяснили, что мой муж мертв, а насчет Гии Саладзе, как мне помнится, ничего не говорили.

Малхаз. Что с тобой, Сулико? С этой обезьяной хочешь остаться? А я? Больше не твой муж?

Сулико. Гия, вернись!

Малхаз. Сулико, что ты делаешь со мной на глазах у моего начальства? Каким позором ты покрываешь мое имя, что про меня скажут? Ты об этом подумала?

Сулико. Об этом пусть подумает твоя любовница.

Гия переступает два шага, но, почувствовав на плече тяжелую руку Микела, останавливается.

Микел. Простите, госпожа Гулико[‡]...

имя «Сулико», известное всем по знаменитой песне, переводится с грузинского как «душенька»; Микел путает его здесь с другим женским именем «Гулико»: в переводе с груз. - «сердечко» (прим. переводчика)

Сулико. Сулико, мое имя Сулико, пока еще. Если я тоже не покойница!

Микел. Как вы могли подумать, госпожа Сулико, как вы могли такое подумать.

Малхаз. Почему?! Почему, объясни мне! Почему ты меня так унижаешь? Что я сделал тебе?

Сулико. Потому, что если верить твоим словам – ты скончался, Малхаз!

Малхаз (*указывает на Микела*). Он тоже, Сулико. Гораздо раньше меня!

Сулико. Хватит! Выметайтесь вон из моего дома. (*Все трое подчиняются*) Гия Саладзе, иди сюда! Никуда я тебя не пущу. Не бойся, они тебе ничего не сделают! Смотри, какой у меня громадный пистолет...

Берет на перевес противотанковую базуку. Гия Саладзе снова переступает два шага в сторону Сулико, но, снова почувствовав на плече тяжелую руку Микела, останавливается.

Малхаз. Ты сейчас еще раз убила меня, Сулико.

Сулико. Микелом вас кличут, или как там, не знаю, оставьте в покое Гию Саладзе!

Микел. К сожалению, госпожа Сулико, не могу. Гия Саладзе сбежал с того же кладбища, что и ваш муж...

Малхаз. Теперь уже и насрите вдобавок на мою могилу!

Сулико. Гия, это правда?

(Гия не отвечает)

- Я с тобой разговариваю, Гия, этот человек говорит правду?

(Гия Саладзе упорно ищет ответ у себя в ботинках)

- Гия! Скажи мне, скажи... И ты женат?

(Теперь Гия Саладзе ищет ответ на потолке)

- Гия!

Гия. Нет. Я тоже мертвец, Сулико...

Малхаз. К сожалению, мы должны идти. Большое спасибо за прием. В более подходящее время и при других обстоятельствах у меня была бы возможность узнать вас лучше и пообщаться с вами, но что поделаешь? Простите, это более не повторится. Мы должны вас покинуть. Ну-ка, Малхаз, Гия, равняйся, смирно! Попросите прощения у хозяйки, мы уходим. Об остальном после переговоров.

Сулико. Выходит, вы все трое мертвы.

Гия. Сулико, я собирался сказать тебе...

Сулико. Выходит, жила я себе одна, а тут, сразу, трое мертвых мужчин у меня в доме?

Микел. Госпожа Сулико...

Сулико. Закройте рот! А ну-ка прекратите, выкладывайте, для чего вам понадобилась эта чепуха?

Малхаз. Я муж тебе, Сулико.

Гия. А я жених.

Сулико. Вот сейчас, если я вас всех убью, вы разве не будете этого достойны?

Микел открывает дверь. Гия и Малхаз стоят в проеме.

Микел. Госпожа Сулико, верните мне оружие, это оружие не наше, а принадлежащее погибшему в девяносто втором Омару Черчесову. Он будет невероятно расстроен, если оно не вернется к нему обратно.

Сулико (по-прежнему с противотанковой базукой на перевес). Не с места, буду стрелять!

Малхаз. Забудь меня и место моей могилы!

Гия. И моей, Сулико!

Сулико. Стрелять буду!

Микел. Мертвецы не умирают, госпожа Сулико!

Словно проверяя слова Микела, Сулико стреляет. Со звуком выстрела из гранатомета и пожаром заканчивается вторая картина.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина первая

Спальня Малхаза Кумсалия и Сулико. И снова в ней нет Малхаза. Он ведь более двух лет покоится на кладбище. Зато здесь Микел. Да, да, кладбищенский сторож. Сулико лежит в постели. Микел в халате стоит перед зеркалом.

Микел. Представляешь, я не вижу себя в зеркале.

Сулико. Такой ты милый...

Микел. Смейся, смейся... Давай поженимся.

Сулико. Шутишь?

Микел. Ладно.

Сулико. Что – ладно?

Микел. Не будем жениться, как хочешь.

Сулико. Если бы ты еще не знал, чем было для меня первое замужество. Хочешь меня вернуть обратно в то состояние?

Микел. Знаешь, о чем я подумал недавно? Хочу, чтобы мы стали скорбными. Потому что в скорби мы пребываем нечасто. Печальный человек стал редкостью в наше время. Опечаленный человек заслуживает большего уважения от общества. Печальный обычно более сосредоточен, более озабочен, более задумчив, чем обыкновенный, рядовой человек. Поэтому нечасто теперь увидишь на кладбище печального человека. Все ходят веселые, улыбающиеся и возбужденные.

Сулико. На кладбище?

Микел. Вот идет по тропинке печальный человек, углубленный в свои мысли, параллельно скорбя о миропорядке. Или о будущем? Впрочем, все равно. О чем бы ни скорбел печальный человек, по его глазам непонятно, о чем именно он думает. Мы наблюдаем лишь его скорбь и постоянно устремленный в бесконечность взгляд, который действует на нас на нервы. И все же, мы отдаем дань уважения опечаленным людям. Грусть скоро войдет в моду, наверное. Вообще, мне удастся предсказывать моду. У меня бесконечно развита интуиция, и я уверен, что грусть рано или поздно будет в моде. Я не знаменитый кутюрье или выдающийся промоутер, но, безусловно, имею право предсказать, что пройдет время и печаль станет модной. Скорбь распространится в интеллигенции, в первую очередь, в интеллигенции. Потому что интеллигенция первая привносит в общество все новое и интересное. Я даже знаю, кто будет первым скорбным грузинским интеллигентом. Сказать? Что это с тобой?

Сулико. Как давно я не была на могиле Малхаза.

Микел. Пусть ты меня и заподозришь в субъективности, но будет так. Знаешь, кто первый, кто «опечалится»? Им будет мужчина. Обязательно! (*Микел описывает собственную наружность.*) С залысынами, без живота, среднего роста, подтянутый, прямой в осанке, симпатичный... Это произойдет - скоро наступит этот день, можно сказать, уже пришел. Просто никто не замечает, что настоящее уже наступило и ныне в прошлом! Никто не желает этого видеть!!!

Сулико. Убийца, убийца моего мужа! Как я могла верить тебе, как я могла довериться, какая же я была дура!

Микел. Ты не в себе, Сулико?

Сулико (*пытается одеться*). Боже мой, как я была слепа столько времени, чтобы не видеть, что ты равнодушен и бесчеловечен.

Микел. Ты это мне говоришь? Сулико...

Сулико. Не дотрагивайся до меня! Три месяца, как я знакома с тобой, а поперек горла уж встали глупости, которые ты несешь. Господи, где мне найти моего мужа? Неужели вернулся к другой? Неужели он и вправду живет на кладбище? А ведь он же пришел своими ногами, пришел ко мне и сказал, что любит меня, а я выстрелила в него. Выстрелила и обрекла на смерть. Хорошо еще, что не убила.

Микел. Он давно уже мертв, Сулико, нельзя его убить.

Сулико. Закрой пасть! Это ты мертвец!

Микел. Да, я мертвец. Никогда от тебя не скрывал, но ты отчего-то только смеялась.

Сулико. Где мой муж?

Микел. На кладбище.

Сулико. Мне не до шуток!

Микел. Мне – тоже, на кладбище, в могиле он живет.

Сулико. Где, где, где, где, где, что он делает на кладбище? Или нет у него дома и ночлега?

Микел. Не знаю.

Сулико. Пойду к нему и попрошу прощения. Он должен меня простить, ведь сам жил с другой женщиной? Сам ведь изменил мне? В чем моя вина, что я считала его умершим? Сам виноват. Во всем. О-о, как он испортил мои нервы. Пойду к нему, найду и убью его снова своими руками. Где он!

Микел. На кладбище, говорю.

Сулико. Какого черта он на кладбище?!

Микел (*испуганно*). Ну, он ведь умер.

Сулико. Еще раз мне такое скажешь, и я не знаю, что с тобой сделаю! *(Идет к двери.)* Я уйду на кладбище, искать моего мужа, и если увижу его с какой-нибудь женщиной, знай, тебе не поздоровится. Когда я вернусь, уж лучше, чтоб духу здесь твоего не было. *(Выходит.)*

Картина вторая

Мы вновь переносимся на кладбище, где все по-прежнему, как было в Прологе.

Входит Нина. Ее монолог по-прежнему сопровождается привычными действиями - вновь она метет могилки, убирает старые цветы и т.д.

Нина. Вчера хоронили новеньких. Погребение еще толком не закончилось, они уже навестились бежать. Раньше, во времена моих родителей, их родителей и прародителей, никто и помыслить не мог о побеге. Сейчас так, они убегают и возвращаются, никто и не спросит. Знаете, почему так происходит? Я знаю! Веры больше нет в народе, вот почему. Мертвые приходят сюда, и по правилам, здесь и должны быть, как им известно, но они больше ни во что не верят, и нет для них ничего святого... Кто?! Мертвые уже не верят в то, что они мертвецы, разве могут живые во что-нибудь поверить? Я знаю, что никто меня не слушает, и не обижаюсь. Привыкла уже... Благородные господа, говорю я им, ваш покойник требует того-то и сего-то, так нет! Посмотрят на меня странно, посмотрят и уйдут. Вот моим родителям, их родителям и прародителям верили. Тогда совсем другие люди были, гораздо умнее. По-другому умирали, как-то, и плач казался более искренним, и проводы, и погребение. Покойник выглядел более порядочным, достойным. А сейчас? Нет, знаете, на что я сержусь? *(Передумает)* Да ладно... *(После паузы)* А все-таки, что происходит? Вот, умру и я. И потом? Что-то изменится? Для меня ничего. Где я живу, там и буду жить. Меня похоронят в моем доме, на месте захоронения моих предков. Снова я буду ухаживать за этим кладбищем, опять люди мне не будут верить, что я мертва, зато этим *(указывает на камни и бюсты кладбища)* кажется, что я уже беглая покойница. Вообразили, что я призрак. Поэтому и не делает мне замечаний здешний директор, Микел. Придет, воззрится на эту землю так, будто я присвоила. В глаза мне даже не заглянет. Тот еще директор, ага! Уу, как он мне действует на нервы! Раньше был другой директор, того сменили, назначили этого. Назначили сюда, и начался беспорядок. Уж чересчур беспринципный он оказался. Чересчур! Уж коли ты несправедливый человек, то ни живой годишься, ни мертвый. Если человек за справедливость, то он и в раю за нее. Таковы люди. А если чувствуют, что возможно несправедливость выдать за справедливость, то пользуются этим. *(Задерживается перед бюстом Тенгули Асатиани)* Вот, к примеру, Тенгиз Асатиани. Он друг того Малхаза, которого жена опозорила. Нельзя доверять женщинам, особенно, живым. А он честный мужчина. С тех пор как все наше кладбище сошло с пути истинного, ни разу не попытался бежать, во как?! Вот и еще один их друг, Бисмарк Капанадзе *(переходит к бюсту, стоящему по-соседству)*, тоже мне! *(С выражением произносит вслух его фамилию и имя)* Будто он и впрямь Бисмарк

Капанадзе! Поскольку давно его никто не навещал, уполномочил меня стать его уборщицей. Благодарности от него не дождешься. *(Подходит к бюсту Малхаза)* С тех пор как с ним приключилась эта история, не показывается, заперся. Его упрашивают: выходи, Малхаз. А он ни в какую. Ни за что, говорит. И жена с тех пор не приходила. Поговаривают, не знаю, насколько правдиво, что и Микел в последнее время частенько остается снаружи. Да, так говорят. Сама я с ним не заговариваю, и лично не спрашивала. А почему я его должна спрашивать? Ровесник он мне, что ли? Хороший человек Малхаз. Машина его сбила. Эх, какой порядочной женщиной я считала его жену. Чего только на свете услышишь... И с кем? С кем, я вам доложу? с этой ходячей чесоткой Гией Саладзе? Вооон его могила. На пригорке. И что сказать, после этого, кто живая и кто мертвый? Усопших положено хоронить в земле, чтобы они находились *под* нами, а не *над* нами. Взгляните теперь на ту горку. Еще чего, начните уже на голову мне гробы класть. Он поступил непорядочно.

Бесшумными шагами на кладбище заходит Сулико. Нина не замечает ее.

- И что случилось, представляете? Жена его изменила ему, вон, с ним. После он сказал ему, ты не прав, дескать, и выстрелил. В это время пришел Микел, и забрал обоих. И наказания им не назначил. Сказал – хватит с вас, мол, своего несчастья. А то? Что такое, все-таки, женщина? Как можно позволить себе, имея покойного мужа, лечь в постель с другим покойником. Тьфу! Не пойму, хоть убейте.

Сулико *(тихо, испуганно)*. Госпожа Нина, госпожа Нина, здравствуйте, я Сулико. Вы помните меня, наверное... Я вдова Малхаза Кумсалия. Впрочем, вдова ли...

Нина. Твой муж воскрес что ли?

Сулико. Он и не кончался. Он здоровствует, и вот я ищу его. Месяца три назад он вернулся домой... Мы слегка поссорились и...

Нина. И он снова сошел в могилу.

Сулико. Да. Вернее, не умер, а снова ушел.

Нина. С ума посходили эти люди. Мертвых принимают за живых, а живых за мертвых.

Сулико. Знаю, трудно себе представить, но мой муж жив. Это я воображала, что умер. Вот, его могила. Какие глупости я говорю. Скажите, где он?

Нина *(указывает на могилу)*. Вот.

Сулико. Я знаю, его могила. Но где же он сам?

Нина *(снова указывает на могилу)*. Вот.

Сулико. Понятно. Но сам-то он где, Малхаз сказал мне, что живет на кладбище.

Нина. Знаю, он был в бегах.

Сулико. Да, да, мне тоже так и сказал... «сбежал». Я хочу освободить его, и помогите, умоляю вас, скажите, где она прячет его?

Нина. Кто – она?

Сулико. Женщина эта... Та женщина, у которой он живет... Наверно связала его и пытается?

Нина. Твоего мужа никто не пытается. Прекрасно он себя чувствует. За камнем.

Сулико *(обходит кругом могилу)*. Где же?

Нина. Ты не можешь видеть. Я вижу.

Из могилы поднимается Малхаз Кумсалия. Его видим мы, то есть, зрители. Сулико не видит.

Сулико. Госпожа Нина, прошу вас, не шутите надо мной. Хватит с меня моей беды...

Нина *(зрителям)*. Вот, я же говорю, никто мне не верит, что я вижу мертвых.

Сулико. Не уходите. Прошу вас, объясните мне, я ищу своего мужа, Малхаза Кумсалия. Где-то здесь должен быть его дом, а, может быть, и нет... Простите, прошу прощения...

Собирается уйти.

Нина. Здесь твой муж, вон, сидит. Сейчас встал. Если ты хочешь что-то сказать ему, говори. Я передам тебе его слова.

Сулико передумывает уходить. Останавливается. Замирает на месте. Размышляет, поверить или нет словам хромой Нины. Не спешит говорить. Хромоножке Нине надоедает ожидание, и теперь уже она собирается уйти.

Сулико *(после паузы)*. Здравствуй, Малхаз.

Нина замедляет шаги. Напоминаю читателю, что Сулико здесь единственная, которая не видит и не слышит покойников. С помощью автора, дорогие читатели и зрители, вам предоставлено такое удовольствие. Поэтому оцените с благодарностью, что вы

способны видеть как живых, так и мертвых. Последующую сцену вы должны представлять себе так, будто на кладбище Сулико говорит только с Ниной.

Малхаз. Нина, скажи ей, чтобы она ушла.

Нина (Сулико). Малхаз тоже здороваётся с тобой.

Сулико. Господи...

Малхаз (Нине). Пускай отстанет от меня...

Нина (Сулико). Рад, что ты пришла, говорит...

Сулико. Господи...

Малхаз (Нине). Передай ей так, как я сказал!

Нина (Сулико). Очень, очень обрадовался, говорит...

Сулико. Господи...

Малхаз (Нине). Почему ты так со мной поступаешь?!

Нина (Сулико). Говори, выскажи ему все, что хочешь. Вот он здесь, слушает тебя.

Сулико. Я так неловко себя чувствую...

Малхаз. А когда она в постели лежала с другим, спроси ее – она не чувствовала себя неловко?

Нина (Сулико). Ничего, говорит, не нервничай...

Сулико. Не знаю... Боже мой, мне кажется, я тарелочку верчу...

Малхаз. Нина, знай, я сейчас рассержусь.

Сулико. Сию минуту он стоит передо мной, и я его не вижу?

Нина (Малхазу). А что же ты чушь порешь всякую!

Малхаз (Нине). Значит чушь? Нет, я, значит – был с другой? Или, когда я вошел, она развратничала, развлекалась и была в распрекрасном настроении, это не она была, а я?! Ответь мне, я с тобой разговариваю! И вот так вот – хихоньки и хаханьки, ей и жить дальше? Отвечай!

Нина. Чтоб ты сдох.

Малхаз. Вот именно, чтобы я сдох *(спускается в могилу)*.

Нина (Малхазу). Тьфу!

Сулико (Нине). Что происходит, госпожа Нина, передайте мне, что ему надо?

Нина (Малхазу, стоя над его могилой). А что тебе надо, чтоб эта твоя ягодка барбариса, а не женщина, всю свою оставшуюся жизнь провела в трауре?

Сулико. Речь обо мне?

Нина (Сулико). Дай мне поговорить с ним, минуточку! *(Малхазу)* Да вылезай ты оттуда, что спрятался!

Сулико (*Нине*). Куда он ушел, с кем вы разговариваете? Вы же сказали мне – он там стоит.

Нина (*не обращая на Сулико внимания*). Вылезай наружу!

Малхаз (*слышим его голос из могилы*). Скажи ей, пусть уйдет. На глаза не показывается.

Нина. Ты уже взрослый мужчина, не пристало тебе слезы лить, как маленькому.

Сулико. Боже, госпожа Нина, он там плачет?

Нина (*Сулико*). А ты что думала.

Сулико (*Нине*). Откуда же мне было знать, что он жив?

Нина (*Сулико*). Кто жив? Твой усопший? (*Малхазу*) А ну вылезь, скажи ей, что умер.

Сулико (*могиле Малхаза*). Малхаз, вылезай сейчас же и объясни мне, в конце концов, во здравии ты или сошел в могилу!

Нина (*Сулико*). Не вылезет он больше.

Сулико (*Нине*). Что значит, не вылезет? Народ, объясните мне, я спятила или надо мной издеваются? Почему все покойники должны были свалиться мне на голову? Объясните мне, когда два года назад я своими руками похоронила этого несчастного, каким образом надясь он встал над моей душой и объявил мне, что живой?

Малхаз (*из могилы*). Я не так сказал. Я сказал, что отдал концы и смотал удочки, но она не въезжает.

Нина (*Сулико*). Он этого не говорил, сообщает. Он тебе сказал, что умер и убежал с кладбища, но ты ему не поверила.

Сулико (*Нине*). Нет, а скажите, скажите мне, госпожа Нина, вы бы поверили? Объясните мне, а? Вы бы поверили, если бы я умерла, а потом воскресла? А он бы поверил? Нет, я кажется совсем съехала с катушек, с могилами треплюсь...

Нина (*Малхазу*). Слышишь, что она тебя спрашивает? Сам бы ты, мол, поверил?

Малхаз (*вылетая наружу из могилы*). Нет, а с ним-то она хорошенько убедилась, после того, как изменила мне с Гией Саладзе? Спроси ее, насчет него же она убедилась?

Нина (*Сулико*). Ты слышала?

Сулико (*Нине, с иронией*). Я пока еще не слышу мертвецов, уж извините!

Нина (*Сулико*). В это, говорит, ты поверила... Тогда...

Сулико (*Нине*). Что, что тогда?

Нина (*Сулико*). В то, когда...

Малхаз (*Нине*). Да, спроси у нее. А мы послушаем, что она скажет. Она убедилась, когда я застукал их в постели, с кем она лежала! Передай, передай ей...

Нина (Сулико). А вот, когда, говорит, после того, как он приходил, и Гия Саладзе тоже казался мертвым. Почему, мол, тогда ты поверила?

Сулико (Нине). И вы уверяете меня, что Гия Саладзе тоже был покойником? Как я должна поверить в подобную ерунду!

Малхаз (Нине). Покажи ей его могилу.

Нина (Сулико). Вот, говорит, где его могила (*указывает на могилу на пригорке, ведь там могила Гии Саладзе*).

Сулико (Нине). Если каждый мужчина, желающий удрать от жены, закажет себе могилу, придется открывать кладбище и на Луне. Отлично придумано.

Малхаз (Нине). Ты видишь, она ни во что не хочет верить. Во всем разуверилась, совсем потерялась. Что я тебе говорил?

Нина (Малхазу). Что поделаешь, отныне так, женщины больше ни во что не верят.

Сулико (Нине). Причем тут женщины, право?! Я считала своего мужа безвременно почившим, а в один прекрасный день он вернулся, и утверждает, будто дал деру из рая! Он что меня за дуру держит? Может, он еще заявит мне, что и Микел был покойником?

Малхаз (Нине). То есть как «и Микел»? Она еще и с Микелом мне изменила? И с ним?! О Господи!!

Нина (Малхазу). Я знала об этом. Скрывала от тебя.

Малхаз. О Господи...

Сулико (Нине). А вы откуда знали? Может, и его могиле меня представите? (*В зал*) Они тут сообща сговорились, что покойники!

Нина (Сулико). Да, но ты в самом деле схоронила мужа. Ты веришь, что схоронила?

Сулико (Нине). Я уже ни во что не верю! Короче, Малхаз, или ты выходишь, и сознаешься мне, что в порядке, или так и оставайся трупом, только дай мне знать, действительно ли я вдова? Да что ж это такое, во что превратились похороны одного мужа! Я ли не имею права знать, умер мой муж или нет? Есть у меня такое право или нет?

Нина (Малхазу). Отвечай ей.

Малхаз (Нине). У тебя это лучше получается.

Нина (Сулико). Я только и твержу об этом покойникам, что отсюда нельзя удирать. Но страна распустилась, законы бессильны, и во всем беспорядок.

Сулико (Нине). А сам он что скажет?

Нина (Сулико). А что ему сказать? Сидит себе вон и помалкивает.

Сулико (Нине). И что делает?

Нина (*присматриваясь к Малхазу*). Не знаю... Сидит себе...

Сулико. Не плачет?

Нина (Сулико). Нет, думает.

Сулико (Нине). Значит?..

Нина (Сулико). Ты и в самом деле вдова.

Сулико (Нине). Боже, какая я несчастная... Как я могла вообразить, что он живой...

(Всхлипывая, присаживается на могильный камень).

Нина (Малхазу). Ты видишь, парень, что она любит тебя?

Малхаз (Нине). Вечно она плачет.

Сулико плачет.

Нина (Малхазу). Подойди к ней, парень, успокой. Скажи ей, что и ты любишь. Скажи ей, что...

(От слов Нины, Сулико плачет еще больше.)

Малхаз (рассерженный, ходит из стороны в сторону). Не пойду.

Нина (Малхазу). Не будь упрямым.

Малхаз (Нине). Она изменила мне дважды. И после этого подойти?

Нина (Малхазу). Давай, парень, она ведь плачет.

Малхаз (Нине). Не пойду.

Нина (Малхазу). Вот поэтому, нельзя уходить отсюда, сколько раз я вам говорила, а вы не слушаетесь. У нее теперь своя жизнь, у тебя своя. Каждый день она к тебе приходила, ухаживала, голубила, забыл уже? Разве ты не видишь, к другим годами не приходят на могилы, и если бы она тебя не любила, остался бы ты вроде меня.

Малхаз (Нине). Как она могла изменить мне, почему предала. Если она любит меня, пусть объяснит, зачем она меня так опозорила?

Нина (Малхазу). Сейчас ты подойди, утешь ее.

Малхаз. Нет!

Нина (Малхазу). Тьфу!

Сулико (Нине). Он не простит меня?

Нина (Малхазу). Ну, так и черт с тобой! (Сулико) Откуда я знаю. *(Ворча, ковыляет к тому месту на кладбище, где пируют за дружеским столом)* Во времена Сталина можно было себе такое представить, а? В дни моей молодости стоило сбежать одному, все кладбище на ушах стояло! На сей день расхаживают, как хотят, так что не разберешь, где покойник ночь проведет, а где проснется. Ну куда это годится? Вот все тому и виной.

Вы помните, наверно, тот стол – железный, установленный возле могилы Асатиани. На стол падает свет. Тенгуля Асатиани и Бисмарк Капанадзе сидят за ним. Соответственно, накрыт и стол, друзья беседуют. Хромоножка Нина им прислуживает. На короткое время оставляю так, в слезах, плачущую Сулико, а с ней и Малхаза Кумсалия. Сулико сейчас сидит на камне могилы Малхаза, и вытирает слезы. Малхаз мечется из стороны в сторону, но его шаги уже не такие быстрые и агрессивные.

Бисмарк. Вот что я тебе скажу. Давай-ка разольем. *(Разливает вино по бокалам)* Ты знаешь, кто самый странный из народов?

Тенгуля. Воистину.

Бисмарк. Я тебя спрашиваю. Самый странный, у которых не поймешь, где конец и где начало. Вот такие люди.

Тенгуля. Точно.

Бисмарк. Да, догадаться-то можно, но можно ли их понять? Нет! Никак не поймешь.

Тенгуля. Во здравие. Выпьем за них.

Бисмарк. Самое страшное, когда у женщины синие глаза. Смотришь в них и обо всем забываешь, а тем временем, на душе – у нее, к душе ее, не пририсованы ж эти синие глаза? И вот, ответ мне сейчас, чем черноглазая девушка хуже синеглазой?

Тенгуля выпивает.

- Нет, я тебя спрашиваю, почему они должны быть в более привилегированном положении? Синеглазые девушки? Ну почему?

Тенгуля. А я откуда знаю, я же не был женат на синеглазой девушке?

Бисмарк. Вот, кто бы дал мне заглянуть в свои мозги, когда я брал ее в жены! Попутала она меня, понимаешь, попутала, когда я смотрел в ее глаза, и думал, что она сама как море, с ума она меня свела. А что вышло? Когда глаза ее меня обманули, и я заглянул в ее душу, то остался один.

Тенгуля. То есть как «один»? С тобой я, Малхаз, Нина за нами ухаживает.

Бисмарк. Да, Нина ухаживает, что правда, то правда.

Хромоножка Нина неожиданно чихает.

Бисмарк (*мягко стучит ей по спине*). Будь только ты здорова, пока мы **живы**...

Нина (*ворчливо*). Сбудется.

Тенгуля (*Малхазу, громко*) Малхаз, слушай, парень, приводи сюда свою жену и сам иди, наконец.

Малхаз (*Сулико*). Пойдем, а то как-то неудобно перед ними...

Сулико встает. Не спрашивайте меня, как это получилось. Считаете прихотью драматурга. Сулико берет протянутую руку Малхаза. Они садятся к столу.

Тенгуля -(*наполняя стакан Малхазу, запекает*). Мноо... (*Бисмарку*) Подай свой голос, парень. Многие...

Бисмарк - ...лета...

Тенгуля и Бисмарк - (*вместе*)...Многие лета...

Малхаз. За здоровье, друзья! (*Выпивает.*)

Осторожно, пристыженные и притихшие на кладбище заходят Микел и Гия Саладзе. Видно по ним, что им хочется присесть к столу, но они не смеют. Так и стоят они до финала пьесы как неприкаянные, в сторонке.

Тенгуля и Бисмарк – (*вместе*)...Мнооо...

Малхаз – (*присоединяется*) гииие..

Освещение меняется. Свет медленно уходит со сцены. На свете не остается ни Нины Хромоножки, ни Микела, ни Гии Саладзе, ни усопших друзей, освещены только живая Сулико и бюст Малхаза. Вскоре и они погружаются в темноту.

КОНЕЦ

© Баса Джаникашвили, 2007

© Перевод Майи Мамаладзе, 2009

Баса Джаникашвили: 0179 Грузия, Тбилиси, Палиашвили 66, кв. 29.

Контактные телефоны: +995 514 500 101

E-mail: basajanikashvili@yahoo.com

Майя Мамаладзе (переводчик, литагент автора): 127224, Россия, Москва, Северодвинская 9, кв. 221.

Контактные телефоны (495) 474 18 19 - дом, +7 905 730 25 29 – моб.

E-mail: maja.mamaladze@gmail.com